

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

ПЫШКА
ДЛЯ ГЛАВВРАЧА.
Дома командую я!

Павел Лимонов

Пышка для главврача.

Дома командую я!

<https://litres.ru/74613069>

SelfPub; 2026

Аннотация

Утром я поспорила с новым главврачом. Вечером он приехал ко мне с чемоданом. На полгода.

Верхний этаж своего дома я сдала, чтобы починить крышу. После развода мне хотелось спокойно жить, носить любимые платья и больше не слушать, что пышной женщине следует прикрыть, убрать и в чем уступить.

А достался мне Герман Астахов. Красивый, сдержанный и слишком привыкший распоряжаться.

Пришлось сразу объяснить: в клинике он начальник. Дома командую я.

Мы спорили о парковке, пили чай на террасе и постепенно забывали расходиться по своим этажам. Я узнала, как он смеется без оглядки на должность. Он — как выглядит женщина, которой больше не хочется прятаться.

Однажды я попросила его остаться.

А потом при коллегах услышала:

«Варвара Михайловна только сдает мне жилье. Остальное вы придумали».

Я слишком хорошо помнила, что происходило между нами, чтобы поверить. И слишком долго училась уважать себя, чтобы промолчать.

Содержание

Глава 1. Начальник с чемоданом	5
Глава 2. По эту сторону калитки	27
Глава 3. Чужие советы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Павел Лимонов

Пышка для главврача.

Дома командую я!

Глава 1. Начальник с чемоданом

— Варвара Михайловна, я сегодня должна уйти вовремя.

Правда должна.

Ночная медсестра стояла возле поста с телефоном в одной руке и ключами в другой. Обычно к этому часу ключи уже лежали в сумке.

Я посмотрела на часы. Без двадцати восемь.

— Что случилось?

— Сменщица застряла перед мостом. Говорит, авария. А у меня запись, я месяц ждала.

Снизу, из приемного, позвонили по внутреннему телефону. В коридоре уже катили тележку с завтраком.

Я сняла сумку с плеча.

— Сумку пока оставьте. Передадите мне пост и пойдете. Только нормально передадите, не на ходу.

— Вы же на представление нового главного?

— Он без меня главным врачом быть не перестанет. Успею.

До планерки оставался час. Я рассчитывала выпить кофе и распечатать заявку. Теперь кофе откладывался.

Через пять минут я уже переоделась и слушала передачу смены. Не перебивала, только сверяла записи и задавала вопросы. Дежурная начала торопиться, глядя на часы, потом поймала мой взгляд и перестала.

— Все, — сказала я, когда мы закончили. — Бегите. Если еще что-то вспомните, позвоните на пост.

— Спасибо вам.

Она подхватила сумку. Я успела ответить на звонок из приемного и заметила возле шкафа с расходниками нашу новую сестру. Она по очереди открывала ящики, стараясь делать это так, будто прекрасно знала, что искала.

— Что потеряли?

— Удлинитель для инфузионных систем. В пятницу они лежали здесь. Я уже посмотрела и внизу, и...

— Правильно посмотрели. Их перенесли в соседний шкаф, когда привезли расходники. А подпись забыли.

Она заметно выдохнула.

Я показала полку, достала маркер и наклеила новую этикетку.

— Если не находите с первого раза, спрашивайте. Тут иногда переставляют вещи люди, которые уверены, что остальные умеют читать их мысли.

— Я просто не хотела вас дергать.

— Дергайте. На вопросы у нас времени больше, чем на

исправление ошибок.

Из ближайшей палаты выглянул мужчина с очками в руке.

— Девушка, а со мной сегодня кто? Вчера одна была, ночью другая, сейчас опять...

— Пока я, — ответила я и подошла к двери. — Варвара Михайловна. Чуть позже придет сестра вашей дневной смены, я вас познакомлю. Что-то нужно?

Он признался, что не мог разобраться, как вызвать персонал. Кнопка упала за тумбочку, а вставать каждый раз и выходить в коридор ему не хотелось. Я вернула ее на место, показала, куда нажать, проверила, что он доставал рукой.

— Так гораздо лучше, — сказал он.

Я тоже так считала.

Когда вернулась к посту, на телефоне светилось сообщение от агента по недвижимости.

«Заезд сегодня, ориентировочно в семь. Наниматель придет сам, документы у него будут. Я весь вечер на связи».

Я перечитала, сверила дату на экране — четырнадцатое сентября — и отправила короткое «Жду».

Все происходило сразу. Новый главный врач, новый жилец, завтра кровельщики. В субботу я до ночи отмывала верхний этаж, в воскресенье уточняла смету ремонта. Зато деньги за аренду уже лежали на счете. Крыша пережила бы еще одну зиму только при большой личной симпатии к нам со стороны погоды, а рассчитывать на симпатию мне надое-ло.

Я убрала телефон в карман. Сначала следовало пережить понедельник.

Сменщица пришла в восемь пятнадцать, красная от быстрой ходьбы, и прямо с порога начала извиняться. Я отправила ее переодеваться. К тому моменту, когда мы закончили передачу, мой кофе окончательно превратился в теоретическую возможность.

Оксана Павловна встретила меня у лестницы.

— Все спокойно?

— Теперь да.

— Тогда идем. Светлана Олеговна просила не опаздывать.

Главная медсестра посмотрела на мой пустой стаканчик, который я зачем-то прихватила со стола.

— Вы его для убедительности несете?

Я заглянула внутрь.

— Для надежды.

Оксана Павловна придержала дверь, пропуская меня вперед.

* * *

В комнате для совещаний пахло свежим кофе.

Это было уже неприлично.

Я поставила свой пустой стакан возле папки и села рядом с Оксаной Павловной. Светлана Олеговна закрыла дверь. Разговоры стихли, и мужчина у окна повернулся к столу.

Сначала я заметила, что он высокий. Даже Павлу Юрьевичу Жданову, нашему заведующему, рядом с ним пришлось немного поднять подбородок.

Потом — серые глаза, темные волосы с сединой у висков и лицо человека, которому не приходилось повторять просьбы по три раза. Темно-синяя рубашка сидела на нем безупречно. Я поймала себя на том, что смотрела на его плечи, и перевела взгляд на экран.

Мужчина был красивый. Это я признала сразу, без внутренней борьбы. Красивых мужчин я и раньше видела, а от новых руководителей мне обычно требовалось совсем другое.

— Коллеги, знакомьтесь. Герман Андреевич Астахов, наш новый главный врач, — сказала Руднева. — Медицинские и организационные вопросы по подразделениям теперь обсуждаем с ним. Кадровая и финансовая часть остается у меня.

Астахов коротко кивнул. Не стал говорить, как рад присоединиться к нашему дружному коллективу, и этим на несколько секунд расположил меня к себе.

— Начну со знакомства с отделениями. На этой неделе хочу поговорить с каждым из руководителей отдельно. Мне нужны действующие процессы и реальные затруднения, а не только отчеты.

Голос у него оказался спокойный, чуть ниже, чем я ожидала. Он говорил негромко, но было слышно даже возле две-

ри, где сидела я.

После коротких представлений дошла очередь до нашего стационара.

— Варвара Михайловна Белова, старшая медицинская сестра хирургического отделения, — сказала Оксана Павловна.

Астахов посмотрел на меня. На долю секунды его взгляд задержался, словно он сопоставлял фамилию с чем-то в памяти.

— Одиннадцать лет у нас, — добавила главная сестра. — Четвертый год старшей.

— Рад знакомству, Варвара Михайловна.

— Взаимно.

Пока это была вежливость. Через десять минут мне стало жаль, что я поторопилась.

На экране появилась таблица. Мелкие клетки, разноцветные полосы, даты. Я узнала наш график, хотя выглядел он гораздо приятнее, чем обычно. В моем варианте на ближайший месяц было слишком много пометок от руки.

— По стационару регулярно набегает дополнительные часы, — сказал Астахов. — Я посмотрел переданные данные и предложил другой вариант распределения. До запуска обсудим его со старшими и главной сестрой. Если расчеты подтвердятся, попробуем со следующей недели.

Я подалась вперед.

В строках не было фамилий, только обозначения постов.

Зато время читалось отчетливо: восемь ноль-ноль, двадцать ноль-ноль. Начало одной смены совпадало с концом другой до минуты.

— Здесь убрано пересечение? — спросила я.

— Сокращено. Предполагается, что основная информация внесена заранее. Остается передать существенные изменения и текущие задачи.

— И вместе проверить то, что передается. И ответить на вопросы. И в это же время не оставить без внимания пациентов.

Он повернулся от экрана ко мне.

— Сколько времени фактически занимает передача?

— По-разному. Поэтому у нас и предусмотрен общий промежуток. Если вы поставите окончание и начало в одну минуту, кто-то все равно задержится. Просто в таблице этого больше не будет.

Павел Юрьевич отложил ручку.

— Утро там действительно плотное, — заметил он.

— Я понимаю, — сказал Астахов. — Вопрос в том, где обязательная работа, а где время растягивается из-за порядка передачи.

Наверное, он имел право это спросить. И, если бы я уже выпила кофе и не провела утро на посту вместо опаздывающей сестры, ответила бы иначе.

Но я слышала знакомую уверенность: сейчас мне объяснят, что чужая усталость возникла из-за неправильной орга-

низации, а исправлять эту организацию мне же предложат в свободное время.

— Можно прийти завтра к половине восьмого и посмотреть, где именно мы растягиваем, — сказала я. — Только сначала добавьте в расчет двух человек.

— Каких двух?

Я указала на нижнюю часть таблицы.

— Эти две ставки свободны. Обе. А в общей сумме часы посчитаны так, словно у нас уже работают две новые сестры.

Оксана Павловна наклонилась к экрану.

— Мы передавали уточнение в пятницу. Вакансии открыты, кандидаты пока не вышли.

Руднева перелистнула бумаги перед собой.

— Тогда нужно проверить, какой файл попал Герману Андреевичу. Исходный был по утвержденной численности.

— Проверим, — ответил он. — Варвара Михайловна, после совещания разберем ваш фактический график.

Он уже потянулся к ноутбуку, собираясь сменить изображение, а я зачем-то добавила:

— Хорошо бы разобрать до того, как нам снова предложат справиться теми, кто есть.

В комнате стало тише.

Я сразу поняла, что последняя фраза была лишней. Он еще ничего такого не предлагал. Сказал про обсуждение, спросил про время, согласился проверить файл. Но остановиться на две секунды раньше я не успела.

Астахов убрал руку с мыши.

— Именно поэтому график сейчас обсуждается, а не вводится приказом, — произнес он. — Расчеты посмотрим после совещания. Здесь еще несколько вопросов, которые касаются остальных подразделений.

— Хорошо.

Оксана Павловна не посмотрела на меня. Это было хуже, чем если бы посмотрела.

Я открыла папку на чистой странице и записала: «Передача. Вакансии. Исходные часы». Почерк получился крупный, сердитый.

Планерка продолжилась. Астахов уточнял сроки и ответственных, иногда возвращался к вопросу, который остальные уже считали законченным. Я слушала и злилась уже меньше.

Когда все поднялись, я убрала ручку в папку.

— Варвара Михайловна, задержитесь, пожалуйста, — сказал он.

Я осталась стоять возле своего стула.

Оксана Павловна коснулась моего локтя.

— Цифры у вас верные. Дайте человеку их увидеть.

Сказала тихо, только для меня, и вышла вслед за Рудневой.

Астахов закрыл дверь, вернулся к столу и развернул ко мне ноутбук.

Я ждала разговора о субординации. Несколько ответов уже были приготовлены, и сейчас я старалась выбрать самый спокойный.

— Покажите, пожалуйста, где расхождение, — сказал он.

— В двух строках, о которых я говорила.

— Я понял. Мне нужен документ с фактическим составом и ваш действующий график. Они с вами?

Я посмотрела на папку в руках и села.

— Да.

Он освободил для меня половину стола. Я разложила листы рядом с ноутбуком. Рабочий график был исписан, на углу отпечатался край чашки.

Мы сравнили суммарные часы. Потом я показала дни, которые приходилось собирать из дополнительных выходов. Астахов слушал, задавал короткие вопросы, одну цифру пересчитал на телефоне.

— Отсюда мне прислали утвержденную численность без уточнения по занятым ставкам, — сказал он наконец. — В сопроводительном письме это не отмечено. Мой вариант на таком составе не работает.

Я подняла глаза.

Он произнес это совершенно спокойно. Даже досады на меня в голосе не было, хотя я уже успела приготовиться к спору.

— Тогда оставляем прежний?

— Пока да. Новый пересчитываем, с учетом передачи смены. Я хочу понять, какой промежуток вам действительно нужен.

— Я могу показать по нескольким дням. Только не выбирайте самое тихое воскресенье за месяц.

— Давайте обычную неделю. И саму передачу посмотрю. Я взяла ручку.

— Завтра?

— Завтра утро расписано. В среду смогу. А данные по графику обсудим завтра после обеда. С вами и Оксаной Павловой.

— Во сколько?

— Половина третьего подойдет?

Я сверилась с ежедневником. К этому времени бригада уже должна была начать крышу, а агент обещала закончить с заселением сегодня. Ничего, что требовало бы моего немедленного присутствия дома, на завтра не оставалось.

— Подойдет. Я до обеда все подготавливаю.

Астахов сделал пометку у себя.

— И приложите ваш вариант распределения. С объяснением, что он меняет по сравнению с действующим. Мне нужно увидеть, где вы считаете возможным улучшить работу.

— Хорошо.

— Спасибо.

Он потянулся к следующей бумаге. Разговор, похоже, закончился.

Мне стало неудобно. Я собрала один лист, потом положила его обратно.

— Герман Андреевич.

Он снова посмотрел на меня.

— Последнюю фразу на планерке я сказала зря. Про «справиться теми, кто есть». Вы этого не предлагали.

Пауза вышла короткая, но мне хватило ее, чтобы захотеть что-нибудь добавить в свое оправдание. Я не добавила.

— Не предлагал, — согласился он. — Хотя понимаю, откуда могло взяться ожидание.

— Вы не знаете, откуда оно взялось.

Он чуть приподнял бровь, а я закрыла глаза на секунду.

Прекрасно. Начала извиняться и снова полезла спорить.

— Простите. Утро было тяжелое. Это не объяснение для тона, просто... я перегнула.

— Принято. Возражения по самому графику остаются, мы их проверяем.

— Остаются.

— Тогда до завтра, Варвара Михайловна.

Я встала, забрала бумаги и пустой стаканчик. Все-таки разговора не случилось.

За дверью выдохнула и пошла к автомату. Теперь кофе

мне был нужен окончательно.

Там меня и нашла Юля. У нее еще оставались следы от резинки шапочки на лбу.

— Видела нового главного? — спросила она, выбирая воду.

— Представили.

— И как?

— Высокий.

Подруга повернулась ко мне.

— Содержательно. Ты уже успела с ним поругаться?

— Почему сразу поругаться?

— Потому что ты сказала «высокий» таким голосом, как будто он лично виноват.

Я нажала кнопку на автомате.

— Мы не сошлись по графику.

— И что в итоге?

— Завтра пересчитаем.

— Ну и хорошо.

Юля достала бутылку и выпрямилась. Я ждала расспросов, но она уже смотрела на часы.

— Ты в субботу к нам на игры придешь? Мне надо знать, на сколько человек стол освобождать.

— Если крыша к тому времени не окажется у меня в спальне.

— Значит, предварительно придешь. А с крышей, если что, позвони. Будем думать.

Я забрала готовый кофе и вернулась в отделение.

* * *

Домой я приехала без двадцати шесть.

Пять минут за рулем помогли выкинуть из головы хотя бы часть рабочего дня. Я поставила машину у ворот, достала из багажника пакет и остановилась возле клумбы. За сутки на дорожку нападало столько мелких желтых листьев, будто сентябрь решил работать без выходных.

На улице было тихо. Где-то через два дома гудела газонкосилка, от Волги тянуло прохладой. Верхние окна моего дома отражали светлое вечернее небо. Издали крыша выглядела вполне прилично. Вблизи обманываться уже не получалось.

Я зашла на свою половину, оставила ключи в блюдце на бабушкином буфете и открыла дверь на террасу.

После душа я надела мягкое зеленое платье с запахом. Оно удобно лежало на полной груди и не натягивалось на бедрах, когда я садилась. Я любила его больше любого строгого костюма.

Я расчесала подсохшие волосы и убрала с лица прядь. Краситься заново не стала. Мне предстояло показать человеку жилье, а потом поужинать и вытянуть ноги в кресле. К семи хотелось закончить все приготовления, чтобы не начинать знакомство с извинений за полотенца и перегоревшую

лампочку.

На второй этаж я поднялась по наружной лестнице и открыла дверь.

Квартира получилась хорошая. Небольшая, светлая, с окнами в сад. Спальня отдельно, гостиная отдельно, на кухне хватало места для нормального стола. Я обошла комнаты, поправила штору, открыла холодильник: пустой, чистый, холодный. На полке лежала инструкция от стиральной машины. Возле роутера — карточка с паролем.

В ванной почему-то капал кран.

Я подтянула ручку и подождала. Капать перестало. Все равно надо было предупредить жильца: закрывать до конца, а если снова потечет, позвать сантехника. Заодно я записала это в телефон, пока не забыла среди остальных мелочей.

Раньше здесь неделями никого не бывало. Я поднималась полить растения, проветрить и забрать что-нибудь, что сама же унесла наверх «на время». Теперь мое время закончилось. На полгода у этажа появлялся отдельный хозяин, и заходить сюда просто потому, что мне захотелось открыть окно, я уже не могла.

Это немного тревожило. Но пустые комнаты не оплачивали ремонт.

Кровельщик перезвонил, когда я проверяла замок.

— Завтра в восемь, как договаривались. Материалы привезем чуть раньше. Ворота откроете?

— Открою. Только предупредите водителя, чтобы не

вставал перед калиткой. Мне на работу выходить.

Мы еще раз обсудили, где они оставят материалы и что будут закрывать на ночь. Я нашла смету в телефоне.

— Общая сумма у нас не меняется?

— Двести пятнадцать. Что согласовали, то и делаем. Если по ходу обнаружится что-то еще, сначала показываем вам.

— Вот так и договорились.

К накоплениям добавилась арендная предоплата за три месяца, пришедшая в четверг. Теперь на ремонт хватало. Еще сорок пять тысяч, обеспечение, лежали отдельно: эти деньги предстояло вернуть жильцу.

После развода я привыкла считать расходы на дом одна. Поначалу раздражалась на каждую внезапную поломку, словно трубы и проводка могли выбрать более удобный для меня год. Потом завела отдельный список. Крыша стояла в нем первой уже давно.

Я закончила разговор, заперла верхнюю дверь и спустилась. С лестницы было видно террасу: стол, четыре стула, горшки у стены. На одном из стульев лежал новый плед, который я купила в субботу вместе с полотенцами для жильца.

Плед я купила себе.

Пока грелся ужин, написала маме, что завтра начнут крышу. Она ответила вопросом, не позвать ли ей знакомого мужчину, чтобы «посмотрел, все ли правильно».

«У меня договор, смета и фотографии до ремонта. Если понадобится помощь, скажу».

Мама прислала сердечко. Еще через минуту — «Поужинай нормально».

Я сфотографировала тарелку с курицей и овощами. Доказательство благоразумия заняло три секунды.

До приезда оставалось немного. Я накрыла тарелку, вышла на террасу и переставила горшок с пеларгонией, чтобы завтра его не задела доской. Потом вернула обратно. Рабочие вообще не должны были ходить через террасу.

С улицы донесся звук остановившейся машины.

Я вытерла руки о полотенце и взяла приготовленный комплект ключей. Жилец приехал на десять минут раньше.

* * *

У калитки стоял Герман Андреевич Астахов.

Рядом с ним — большой черный чемодан. За спиной — припаркованная у обочины машина.

Я остановилась на последней ступеньке террасы.

Первой мыслью было, что в графике нашлась такая ошибка, с которой нельзя ждать до завтра. Потом я снова посмотрела на чемодан.

Нет. Для разговора о графике он слишком основательно собрался.

— Добрый вечер, Варвара Михайловна, — сказал Астахов.

На нем была та же рубашка, только рукава закатаны. Пап-

ка, которую я видела утром у ноутбука, теперь торчала из сумки через плечо. Без стола и чужого кабинета он выглядел менее официально, но места перед моей калиткой занимал ничуть не меньше.

Я подошла ближе.

— Вы ко мне?

— Судя по всему, да.

— С чемоданом?

Он опустил взгляд на ручку, за которую держался, потом снова посмотрел на меня.

— Я снял здесь квартиру.

Я сжала ключи в ладони. Острый зубец впился в кожу.

Разумеется, врач из другого города мог оказаться главным врачом моей клиники. В Зареченске было достаточно врачей, но почему бы не выбрать именно этого? Желательно сразу после того, как я успела с ним поспорить.

— Минуту, — сказала я.

Я достала телефон и набрала агента. Астахов отошел на полшага, давая мне возможность говорить. Тактично. Мне бы сейчас очень помог какой-нибудь очевидный недостаток, но он продолжал вести себя прилично.

— Жилец приехал? — спросила агент, ответив почти сразу.

— Приехал. Скажите мне его фамилию.

— Астахов. Герман Андреевич. Что-то не так?

Я посмотрела на мужчину за калиткой.

— Это мой новый главный врач.

На том конце помолчали.

— Вот как. Я знала, что он переезжает работать в «Берег», но вы говорили, что должность вам без разницы. Один взрослый, без животных, на полгода. Все как договаривались.

Я действительно так говорила.

Поиск жилья, проверку документов и заключение договора я поручила ей, заранее оформив полномочия и согласовав условия. Мы уже работали вместе, причин перепроверять каждый шаг у меня не было. Свой экземпляр договора я должна была получить сегодня вместе с нанимателем. Отбор по должностям мне тогда даже не пришел в голову.

— Условия те же? — спросила я, хотя ответ знала.

— Те же. С сегодняшнего дня до тринадцатого марта. Ваш экземпляр у него. О ремонте крыши предупрежден. Варвара, если обнаружилось что-то, что вас не устраивает, давайте обсудим.

Я еще раз посмотрела на чемодан.

— Сейчас разберемся. Спасибо.

Телефон отправился обратно в карман платья. Астахов молча достал из сумки тонкую папку и паспорт.

Я открыла калитку ровно настолько, чтобы взять документы. Фамилия, имя, отчество. Фотография. Мой адрес. Согласованная сумма, подписи, дата десятого сентября. Ничего неожиданного, кроме самого человека передо мной.

— Вы знали? — спросила я, возвращая паспорт.

— Когда выбирал жилье — нет. Сегодня утром ваша фамилия показалась знакомой. Перед выездом посмотрел договор еще раз.

— И решили все-таки приехать.

— У меня оплачена квартира и назначено время заезда. Я решил сначала поговорить с вами.

Он не улыбался. Я тоже.

— Вы могли предупредить через агента.

— Мог. Не подумал, что неожиданность окажется настолько неприятной. Извините.

Это немного сбило меня с приготовленного тона.

— Я не сказала, что неприятной.

Астахов посмотрел на щель между калиткой и столбом. Я по-прежнему придерживала створку рукой.

Пришлось отступить и открыть шире.

— Просто неожиданной, — уточнила я. — Обычно рабочие вопросы за мной домой не приезжают.

— Я приехал не по рабочему вопросу. Если такое соседство вас не устраивает, можно обсудить отмену с агентом. У меня есть возможность остановиться в другом месте.

Я уже успела мысленно представить этот звонок, возврат денег и разговор с кровельщиками. Отложить ремонт еще раз очень не хотелось. Но причина была не только в этом.

За калиткой стоял человек, который вовремя заплатил и сегодня спокойно признал ошибку. Я сама искала надежного нанимателя. Было бы странно теперь отказывать ему за то,

что он оказался еще и моим начальником.

— Квартира готова, — сказала я. — Вы ее видели только на фотографиях. Сначала посмотрите.

Взгляд Астахова на секунду задержался на мне, потом поднялся к наружной лестнице. Я вдруг отчетливо почувствовала и мягкий пояс платья, и волосы на плечах. В клинике их всегда приходилось убирать.

Это ощущение мне не понравилось. Я собиралась сдать жилье, а не выяснять, как на меня смотрел мужчина после работы.

— Вход навверх отдельный, — продолжила я. — Кухня, ванная — все свое. Калитка общая. Завтра с восьми будут кровельщики, закончат к воскресенью. Вас действительно предупредили?

— Да. По будням я все равно буду в клинике. Шум меня устраивает в пределах оговоренного времени.

— Хорошо. По остальным вопросам договоримся. Только сразу: разговор про график у нас завтра в половине третьего.

— Я помню.

— Здесь его продолжать не будем.

Он улыбнулся.

— Варвара Михайловна, я хотел бы сегодня распаковать вещи и поужинать. График готов подождать.

— Поужинать у себя, — зачем-то уточнила я и тут же разозлилась на себя. Он даже не намекал.

— Именно. Я купил продукты.

Я посмотрела на пакет в его машине, видневшийся через стекло, и почувствовала, что пора прекращать этот прием у ворот.

— Тогда проходите. Покажу, что где.

Астахов взял чемодан и шагнул к калитке. Я подняла руку, останавливая его у порога.

— И еще одно. В клинике вы главный врач. А дома команду я.

Он посмотрел на мою руку, потом мне в лицо.

— Куда ставить чемодан, командуйте сразу. Он тяжелый.

Я не удержалась от улыбки и показала на лестницу.

— Наверх. Только поднимайте, а не тащите по ступеням.

Герман Андреевич убрал выдвижную ручку, перехватил чемодан сбоку и пошел за мной.

Глава 2. По эту сторону калитки

Утром я обнаружила, что главный врач перекрыл мне доступ к ведрам.

Точнее, к хозяйственной дорожке вдоль дома, по которой сегодня должны были носить материалы. Его машина стояла совершенно аккуратно: зеркала сложены, колеса прямо, до ворот достаточно места. Только между правой дверью и стеной можно было пройти боком, а пронести длинную доску — уже нет.

Я остановилась с садовой тележкой в руках. Попробовала развернуть ее. Левое колесо уперлось в порог сарая, правое приблизилось к блестящему бамперу.

Вчера, показывая двор, я сказала: «Паркуйтесь рядом со мной». Человек так и сделал. Наверное, стоило добавить еще несколько слов, но после знакомства у калитки мой запас доброжелательных объяснений заметно сократился.

Я поставила тележку и позвонила.

— Доброе утро, — ответил Астахов.

Ни сонного голоса, ни раздражения. Судя по звуку, он включал воду.

— Доброе. Нужно переставить машину.

— Я выезжаю через полчаса. Может подождать?

— Не может. Материалы привезут раньше, а я не могу освободить проход.

— Сейчас спущусь.

Я убрала телефон. Из-за угла дома вышел водитель небольшого грузовика и посмотрел на тележку, на машину, потом на меня.

— Хозяйка, куда складывать?

— К боковой стене. Сейчас откроем.

— Мне бы быстрее. Я тут не один адрес везу.

— Понимаю. Две минуты.

Герман появился наверху лестницы в серой футболке и темных брюках. В одной руке ключи, в другой телефон. Спускался быстро, но не бежал, и почему-то это еще сильнее меня раздражало: я уже десять минут делала лишние движения, а у него утро продолжалось размеренно.

— Вот здесь нельзя вставать, — сказала я, показывая на узкий промежуток. — Вообще. Даже когда нет ремонта.

Он посмотрел на меня, потом на машину.

— Вчера вы показали оба места.

— Я показала, где можно парковаться. Не где можно закрыть единственный проход.

— Варвара Михайловна, если дело не в парковке, давайте не будем...

Я молча потянула тележку на себя. Колесо снова уперлось в порог.

Он замолчал, обошел машину и присел, проверяя расстояние.

— Вижу. Не учел дорожку. Отойдите, пожалуйста, я вы-

еду.

Через минуту его автомобиль стоял у обочины. Водитель внес первую упаковку, за ним вторую. Я успела показать место для разгрузки и напомнить про куст смородины, который за неделю подготовки к ремонту уже пытались объявить временно несуществующим.

Герман стоял у открытых ворот.

— Куда мне ставить вечером?

Теперь в его голосе не было попытки разобраться, что я на самом деле имела в виду. Он спрашивал про машину.

Я прошла к своему месту.

— Вот сюда. Моя меньше, я буду вставать ближе к дому. За этот шов в плитке не заезжайте. Тогда вдоль стены останется проход.

— Хорошо. У вас есть что-нибудь отметить границу? В темноте шов не видно.

В сарае нашлась почти высохшая банка белой краски. Я принесла ее и кисть, на которую было больно смотреть.

— Рисовать идеальную линию не обещаю.

— Мне достаточно неидеальной.

Я присела и провела короткую полосу у края площадки. Герман придержал створку ворот, пока водитель катил внутрь свою тележку. Никого не поторапливал, советов не давал. Когда я поднялась, на подоле кардигана уже белел мазок.

Он посмотрел, но промолчал.

— Говорите, — разрешила я.

— Краска еще влажная. Можно сразу отмыть.

— А я ждала чего-нибудь про качество разметки.

— Вы сказали, что идеальной не будет. Я согласился.

Я опустила глаза на кардиган и не смогла сдержать короткий смешок.

— Вчера надо было объяснить вам про проход. Я думала, это очевидно.

— Теперь очевидно. И про утреннюю спешку я понял неправильно.

Он сказал это без торжественности, словно мы уточнили, какой ключ подходил к калитке. Мне такой способ нравился: ни победителя, ни виноватого на ближайшую неделю.

— Сегодня к половине третьего я все принесу, — сказала я уже по привычке.

Герман поднял брови.

Я вспомнила собственные вчерашние условия.

— Это последнее про работу.

— Тогда я поеду, пока вы не передумали.

Я отступила от ворот. Он вышел к машине, а я вернулась домой отмывать кардиган. Белая полоса на площадке получилась кривая. Проход она сохраняла прекрасно.

* * *

В половине третьего я пришла с двумя вариантами гра-

фика и твердым намерением никого не воспитывать.

Оксана Павловна уже сидела в кабинете главврача. Между ней и Германом лежал уточненный список сотрудников. Я положила рядом свои листы и села так, чтобы всем было видно.

На этот раз фамилии в таблице имелись. Две пустые строки тоже никуда не исчезли.

— По вакансиям Светлана Олеговна подтвердила, — начал Герман. — На период подбора перерасчет делаем по фактическому составу. Давайте ваш вариант.

Я показала, где сохраняла время для передачи, а где предлагала немного сдвинуть отдельные выходы. Объясняла спокойно, с примерами из прошедшей недели. Он не перебивал, только попросил один лист придвинуть ближе.

— Здесь я согласна с Варварой Михайловной, — сказала Оксана Павловна. — Если пересечение убрать, мы получим те же минуты после окончания смены, только каждый раз будем выяснять, почему человек задержался.

— Оставляем в расчете, — ответил Герман. — Но порядок передачи все равно посмотрим. У нас одна сестра рассказывает по записям, другая пересказывает всю ночь с начала. Это можно упорядочить без потери важного.

— Можно, — согласилась я. — Я и не защищаю длинные рассказы. Я защищаю возможность задать вопрос и получить ответ, пока предыдущая смена еще здесь.

Он сделал пометку. Я почувствовала, что плечи постепен-

но опускаются. Последние десять минут я, оказывается, сидела так, будто ожидала удара сверху.

Со вторым предложением оказалось сложнее.

Я хотела на самые загруженные часы выделять сестру, которая не была бы постоянно закреплена за одним постом. Чтобы могла подхватить поступление, помочь с подготовкой и дать остальным спокойно закончить начатое. По отдельным дням у меня все сходилось.

Герман перелистнул на следующую неделю.

— А здесь за счет кого?

— Здесь можно поменять два выхода.

— Тогда дальше появляется пустое место.

Я посмотрела. Пустое место действительно появлялось. Я закрыла его дополнительным выходом, который еще никто не согласовал.

Оксана Павловна пододвинула мне лист.

— Варя, идею я поддерживаю. Но сейчас это будет отдельный человек на бумаге и еще одна обязанность у той, кто уже работает. Сначала закрываем вакансии.

Я провела пальцем по своей пометке. Вчерашний спор неприятно вернулся другой стороной.

— На всей неделе не получается, — признала я. — На трех днях получается.

— Тогда оставим как вариант для этих дней, если люди подтвердят, — сказал Герман. — Постоянную схему не вводим. Вернемся, когда состав будет полным.

Мне хотелось сказать, что до полного состава мы можем ждать бесконечно. Но он не отмахивался. Перед ним лежал тот же расчет, на который я сама ссылалась накануне.

— Хорошо. Только давайте запишем, к чему возвращаемся. Чтобы предложение не исчезло вместе с этой папкой.

Он повернул к нам свой лист. Последней строкой уже было написано: «Поддержка в часы нагрузки. После заполнения ставок».

Я кивнула.

Дальше мы обсуждали, как собирать обратную связь во время пробного периода. Не впечатления в конце месяца, а короткие конкретные записи: где задержались, чего не хватило, что пришлось переносить. Оксана Павловна сразу убрала из предложенной формы половину лишних граф.

— Им еще работать надо, — сказала она. — Не превращаем наблюдение в новую причину задерживаться.

Герман рассмеялся. Впервые я услышала его смех без оговорок и сдержанности. Низкий, короткий, очень обычный.

— Справедливо. Оставим четыре пункта.

Мы вышли из кабинета почти через час. В коридоре Оксана Павловна остановилась.

— Сегодня было лучше.

— График?

— Разговор. График посмотрим в работе.

Я прижала папку к боку.

— Мою вторую идею все равно отложили.

— Потому что вы сами видели дырку. Это нормально. Вас не обязаны поддерживать во всем, чтобы уважать.

Я знала. Умом знала давно. Но каждый раз, когда отказывали в том, над чем я просидела вечер, первой реагировала совсем другая часть меня.

На следующее утро Герман пришел к половине восьмого. Встал у поста так, чтобы не мешать, и убрал телефон. Смотрел, как смена передавала работу следующей, изредка делая пометки.

Один вопрос задал уже после, когда сестры разошлись.

— Вот на уточнение назначения вы потратили почти пять минут. Такое бывает часто?

— Бывает. Сегодня хотя бы сразу дозвонились врачу.

Он записал это у себя. А я поймала себя на желании оправдаться за каждую минуту и остановилась. За этим он и пришел: увидеть, что происходило на самом деле.

Вечером его машина стояла точно за белой полосой. Чтобы вынести ведро, мне больше не пришлось никому звонить.

* * *

К четвергу я научилась различать по звуку, когда по крыше ходили, когда что-то откручивали, а когда рабочие просто перекладывали инструмент. Никакой практической пользы это знание не принесло. Зато дома стало трудно читать даже сообщения.

На работе я попросила бригадира прислать фотографии участка у трубы, который мы отдельно обсуждали. Он прислал три. На двух были видны его ботинки, на третьей — кусок крыши с такого расстояния, что я не могла понять, тот ли это участок вообще.

Вечером я стояла у лестницы, увеличивая снимок двумя пальцами. Бригадир уже уехал, оставив обещание завтра показать все до того, как закроют верхним материалом.

— Не сходится? — спросил Герман.

Я не заметила, как он подошел. На рукаве у него висел пиджак, в другой руке была сумка из клиники.

— Не видно. Мы договорились фотографировать этапы. Получила вот.

Я развернула экран. Он посмотрел.

— Я завтра могу вернуться раньше. Если приемка этого участка днем, побуду с ними.

— Зачем?

Он чуть отстранился.

— Чтобы показали до завершения работы.

— Я сама договорилась, что мне покажут. Мне не нужен мужчина, который будет разговаривать с рабочими вместо меня.

Фраза вышла резче, чем требовалось. Даже после вчерашнего полезного разговора во мне сохранился удивительный запас мгновенной обороны.

Герман молча посмотрел на телефон в моей руке.

— Я не собирался разговаривать вместо вас. Предложил свое присутствие, потому что буду дома раньше. Если не нужно, хорошо.

Я почувствовала, как лицо неприятно нагревается.

— Вы все равно в крышах разбираетесь не больше меня.

— Скорее всего. Поэтому оценивать качество работ не предлагал.

Он поправил пиджак на руке и повернулся к лестнице. Я могла закончить на этом. Могла остаться довольной тем, как решительно отстояла независимость от человека, который только что предложил подождать строителей.

— Герман Андреевич.

Он остановился.

— Мне мама накануне тоже предложила позвать мужчину. Проверить, не обманывают ли меня. Я, кажется, ответила сразу вам обоим.

— Бывает.

Он не воспользовался возможностью сказать, что мне следует быть мягче. Даже не улыбнулся так, как обычно улыбались люди, уверенные в своей победе.

— Какая помощь вам действительно нужна? — спросил он.

Я посмотрела на расписание завтрашнего дня. До трех уйти из клиники не получалось. Бригадир обещал показать участок после обеда, но «после обеда» у нас с ним означало совершенно разное время.

— Позвоните мне, когда они начнут закрывать этот участок. Просто скажите, что я просила сначала прислать нормальные фотографии. Больше ничего. Я сама с ним поговорю.

— Хорошо. Во сколько вы будете доступны?

— После часа могу ответить. Если не возьму, напишите. И не надо спорить с ними, если начнут объяснять, что все уже сняли.

— Я понял задачу.

Теперь он все-таки улыбнулся. Мне пришлось улыбнуться в ответ.

— Я слишком подробно?

— Достаточно, чтобы потом не выяснять, кого я заменял на переговорах.

На следующий день он позвонил в час двадцать.

— Они подготовили участок. Бригадир сейчас пришлет вам видео. Ждут ответа.

И все. Ни оценки, ни «я посмотрел, нормально», ни договоренности, которую мне оставалось только оплатить.

Я посмотрела видео, задала вопросы, попросила приблизить два места. Бригадир ответил, показал, что относилось к старой части, а что они уже заменили. Мы согласовали продолжение. На этом история закончилась.

Герману я написала: «Спасибо. Все посмотрела».

Он ответил: «Хорошо».

Я еще несколько секунд смотрела на короткое сообщение.

Странно было чувствовать такое облегчение от помощи, после которой мне не выставили даже маленького счета в виде совета.

Вечером я принесла наверх забытую карточку с номером счетчика. При заселении отложила ее у себя и так и не отдала. Герман открыл дверь с кухонным полотенцем через плечо.

Из квартиры пахло чесноком и чем-то жареным.

— У вас все в порядке с плитой? — спросила я.

Он посмотрел на меня с явным интересом.

— Да. А должно быть не в порядке?

— Нет. Просто вы готовите.

Я замолчала, услышав собственную фразу.

— Уже много лет, — сказал он. — Без серьезных последствий.

— Я сейчас уйду, пока не спросила, умеете ли вы включать стиральную машину.

— Карточку оставьте. С ней я еще не разобрался.

Я протянула ему бумажку. Он взял ее и спросил, не закончились ли работы на сегодня. Я ответила, что закончились. Во дворе впервые за несколько дней стало тихо.

* * *

Позже я сидела на террасе с чаем и пыталась прочитать одну страницу. Из-за ремонта вокруг дома было столько чу-

жого движения, что тишина казалась подозрительной. Я все время поднимала голову: не забыл ли кто-нибудь закрыть ворота, не осталось ли что-то на дорожке.

Герман вышел вынести мусор. Возвращаясь, остановился у края террасы.

— Вы успели поужинать?

— Да. А вы?

— Тоже. С плитой мы договорились.

Я посмотрела на него поверх чашки.

— Я поняла, что вопрос был глупый.

— Он был неожиданный. Мне стало любопытно, как, по-вашему, я питался до приезда сюда.

— В клинике. В ресторанах. У вас могло не быть времени.

— В ресторанах я иногда ем. Но каждый вечер объяснять незнакомому человеку, что я хочу на ужин, утомительно. Самому проще.

Он говорил без желания произвести впечатление. Обычная привычка взрослого человека. Я почему-то вспомнила, как долго считала привычкой взрослого мужчины ждать, пока ему все поставят на стол.

— Хотите чаю? — спросила я. — У меня еще горячий.

— Если я не мешаю читать.

Я посмотрела на открытую книгу. Страницу я не переворачивала уже минут десять.

— Сейчас нет. Садитесь.

Он сел на стул напротив. Я принесла вторую чашку, ото-

двинула горшок с растением и положила книгу на край стола.

— Почему вы выбрали дом? — спросила я. — Квартиру в центре было бы удобнее снять. У нас до приличного магазина пешком идти прилично.

— Вы только что отговорили меня от похода в магазин одной фразой.

— Там везде прилично, но далеко.

Он улыбнулся.

— Я смотрел несколько вариантов. Здесь близко до работы и тихо. Мне не нужны соседи за стеной спальни. Полгода поживу, пойму город, выберу постоянное жилье.

— А потом найдете район еще тише?

— Потом пойму, что для меня удобно. Я видел только фотографии и карту. И мне понравились окна в сад.

Я невольно посмотрела наверх. В окне кухни горел свет. Раньше я включала его только во время уборки, а теперь там стояла чужая кружка и что-то сохло на полотенце.

— На фотографиях крыша не стучала, — заметила я.

— Меня предупредили. Это временно.

— А по субботам у соседей иногда собираются внуки. И весной все косят траву, каждый по своему расписанию.

— Варвара Михайловна, я снял жилье в городе. Не требую полной тишины в радиусе километра.

— Я просто уточняю ожидания.

Он поставил чашку.

— Тогда уточним еще одно. Иногда я возвращаюсь позд-

но. Иногда не хочу ни с кем разговаривать. Это не значит, что что-то случилось или я недоволен жильем.

Я поняла намек не сразу. Потом вспомнила, как вчера спросила из окна, все ли нормально, потому что он прошел прямо наверх.

— Я не собиралась вас контролировать.

— Знаю. Но у вас очень внимательный дом.

Я засмеялась. Сначала тихо, потом уже по-настоящему.

— Это вы еще с мамой не знакомы.

— Начинаю ценить отдельный вход еще больше.

Он сказал это так спокойно, что я не смогла обидеться. Да и за что было обижаться? Я сдала человеку квартиру, а за несколько дней успела проверить, умеет ли он готовить, почему прошел мимо и доволен ли тишиной.

— Хорошо, — сказала я. — Если что-то случится, скажете сами. А я постараюсь не выглядывать на каждый звук.

— Договорились.

Мы допили чай. Он спросил про книгу, которую я отодвинула. Я рассказала, почему дочитывала ее из упрямства: героиня уже третью главу собиралась поговорить с сестрой, но каждый раз находилось срочное препятствие. Сначала звонок, потом дождь, потом внезапно приехавший сосед.

— Соседа могу понять, — сказал Герман. — Он всегда некстати.

— Особенно если с чемоданом.

Он поднял чашку, словно признавая поражение.

Потом рассказал о книжке, которую возил с собой второй месяц. Я ожидала профессиональное руководство, а оказалось — воспоминания путешественника о поездке по маленьким северным городам. Герман читал перед сном по несколько страниц и постоянно засыпал на одном и том же месте.

— Может, дело не в усталости, — предположила я.

— Я еще надеюсь, что они доедут.

Он поднялся первым. Отнес чашку к двери, поблагодарил за чай и ушел наверх. Я не стала спрашивать, не нужно ли ему что-нибудь еще.

На террасе осталось достаточно времени для моей книги. Я прочитала две страницы и вдруг поняла, что уже не раздражалась на героиню. Возможно, ей действительно было трудно начать разговор.

* * *

В воскресенье бригадир приехал к десяти. К этому времени я уже успела выпить кофе, найти папку с документами и пожалеть, что накануне задержалась у Юли.

В настольной игре мне досталась роль человека, которому никто не верил. Я возмущалась, доказывала свою правоту и в итоге проиграла с таким шумом, что домой вернулась охрипшая. Подруга на прощание сказала, что мне полезно иногда спорить там, где от результата не зависело расписание

отделения.

С этим было трудно не согласиться.

Теперь я стояла во дворе и смотрела на последнюю лестницу, которую рабочие собирались уносить. Крыша была закончена. Не обещана к концу недели, не почти сделана, а именно закончена. Со двора вывезли остатки материалов, вокруг дома собрали обрезки, дорожка снова стала дорожкой.

Мы прошли по списку. Бригадир показывал фотографии, объяснял, что сделали, где находились узлы, которые мы обсуждали отдельно. Я задавала вопросы. Некоторые — повторно, потому что за неделю успела забыть объяснения среди рабочих звонков.

Он не радовался повторениям, но отвечал.

— Вы только эти снимки сохраните отдельно, — сказал он. — А то потом в переписке искать будете.

— Уже сохранила.

Я открыла папку в телефоне. Все этапы были на месте, включая пятничное видео. Мы сверили расчет, я перевела остаток суммы и дождалась подтверждения.

Когда грузовик уехал, во дворе сделалось неожиданно просторно.

Я закрыла ворота, вернулась к дому и некоторое время просто стояла, запрокинув голову. Темная ровная линия крыши отделяла мой дом от неба. Никакой романтики. Просто над спальней больше не требовалось при первом сильном

дожде прислушиваться, не капало ли.

Герман вышел на площадку с кружкой.

— Приняли?

— Приняла.

— Поздравляю.

Я рассмеялась.

— Вы не представляете, насколько это подходящее слово.

— По выражению лица догадываюсь.

Я стояла в старых джинсах и рубашке, которую берегла для садовых работ. На колене засохла земля. Волосы вылезли из заколки. И мне было так хорошо, что даже это внезапное чужое внимание ничего не испортило.

— Сегодня можно наконец нормально поужинать на улице, — сказала я. — Без разговоров о том, что еще не привезли.

— У вас есть планы?

Вопрос прозвучал обычно, но я почему-то сразу посмотрела на него внимательнее.

— На ужин? Запечь овощи. И посидеть. А что?

— У меня рыба. Можно объединить планы, если вы не собирались провести вечер одна.

Я могла сказать, что собиралась. Мне нравились мои отдельные вечера, и я только-только научилась не считать их неудачей. Но сегодня мне хотелось, чтобы кто-нибудь еще посидел в этом доме и заметил, как он снова стал тихим.

— Давайте, — согласилась я. — Часов в шесть?

— В шесть. Рыбу не испортит компания овощей?

— Овощи очень общительные.

Он кивнул с серьезным видом и скрылся в квартире.

Я вернулась на свою кухню. Достала из холодильника то, что собиралась готовить в любом случае. Потом добавила еще одну картофелину. Потом перестала делать вид, что размер порции сам по себе что-то обо мне выдавал.

Весь день я занималась обычными вещами. Поставила стирку, протерла пол на террасе, позвонила маме. Она спросила, доволен ли жилец ремонтом.

— Довольна я, — ответила я. — Он крышу не оплачивал.

— Я не про деньги. Все-таки шумели у него над головой.

— Его предупредили. Все нормально.

Мама перешла к своему будущему дню рождения. Хотела отметить дома, потом вспомнила, что у нее маленький стол. Я предложила мой. Мы договорились вернуться к меню позже, и я повесила трубку без обычного ощущения, что взяла на себя еще одну обязанность. Мамин праздник мне тоже хотелось устроить.

Ближе к шести я переоделась. Не в зеленое платье — выбрала широкие брюки и мягкую блузку. Потом поймала себя на том, что оправдывалась даже перед зеркалом: мне просто не хотелось сидеть за ужином в садовой рубашке.

Я оставила зеркало в покое и вынесла тарелки.

Герман спустился ровно в шесть с закрытой формой в руках. Следом принес салатник и хлеб. Я указала, куда поста-

вить горячее, и пошла за приборами.

— Не нужно носить все сразу, — сказал он. — Что еще осталось?

— Стаканы на кухне, слева от раковины. И вода.

Он дождался моего жеста в сторону открытой двери и вошел. Я услышала, как осторожно открылась дверца шкафа. Ни одного вопроса о том, где находилось то, что я только что назвала.

Я улыбнулась, услышав, как он нашел нужный шкаф с первого раза.

Мы сели друг напротив друга. По улице проехал велосипедист. У соседей закрыли окно, и стало слышно, как шуршали листья за оградой.

— Ну, за готовую крышу, — сказал Герман, подняв стакан с водой.

Я коснулась его стакана своим.

— И за то, чтобы о ней не вспоминать.

Рыба оказалась вкусной. Я сказала об этом, он поблагодарил и попросил передать овощи. Не начал объяснять, как именно добился нужного результата, хотя я была готова выслушать. Пришлось спросить самой.

— У вас всегда получается?

— Нет. Но это блюдо я делаю часто. На вас эксперименты не ставил.

— Разумное начало соседства.

— После парковки решил не рисковать.

Я засмеялась, и он посмотрел на меня так, что я на секунду потеряла следующую фразу. Не пристально, не оценивающе. Просто задержал взгляд, пока я смеялась.

Я взяла стакан.

— А сам город вы уже видели? Кроме дороги от дома до клиники?

— Набережную немного. В субботу ходил пешком.

— До старого причала дошли?

— Нет. Свернул к площади.

— Тогда вы еще не видели нормальную часть. Там дальше деревья почти до воды. И лестница, которую все ругают, но все по ней фотографируются.

Он спросил, почему ругают. Я рассказала про ступени разной высоты и про то, как зимой городские жители каждый год удивлялись, что снег снова оказался скользким. Вспомнила, как мы с Юлей гуляли там весной и едва не опоздали в театр, потому что решили сократить путь.

— Вы ходите в театр? — спросил Герман.

— Иногда. Если успеваю купить билеты не на то, что осталось.

— Что посоветуете?

Я перечислила два спектакля, объяснила, почему один мне понравился больше другого. Он слушал, иногда уточнял. Не переводил разговор на себя и не начинал сравнивать нашу сцену со столичными.

За ужином я ни разу не посмотрела на часы.

Когда начало холодать, Герман встал собирать посуду. Я уже приготовилась сказать, что сама справлюсь, и остановилась. Он просто складывал тарелки после общего ужина. Я подала ему еще одну тарелку.

— Форму я унесу к себе, — сказал он. — А это куда?

— На кухню. Я потом загружу машину.

Он отнес тарелки и вернулся за пустым салатником. На площадке возле лестницы задержался.

— Спасибо за вечер, Варвара Михайловна.

Я посмотрела на его плечи, на темнеющий двор, на второй пустой стул. Мне еще не хотелось убирать все со стола.

— Я собиралась заварить другой чай, — сказала я. — С мятой. Хотите?

Он не ответил сразу. Сначала посмотрел наверх, потом на меня.

— Хочу.

— Тогда оставьте салатник. Заберете потом.

Я принесла плед и положила его на спинку своего стула. Герман снова сел напротив. В этот раз я оставила книгу в доме.

Глава 3. Чужие советы

В понедельник Оксана Павловна вернула мне папку, о которой я уже собиралась осторожно напомнить ей в четвертый раз.

На обложке моим почерком было написано: «Адаптация новых медицинских сестер». Под надписью — дата, семнадцатое июля.

Я узнала загнутый угол и сразу перестала думать о заявке на расходники.

— Посмотрели?

— Посмотрела. И ваши августовские дополнения тоже. Садитесь.

Я села, положив ладони на колени. Два месяца назад мне казалось, что осталось немного: собрать то, что мы и так объясняли новичкам каждый день, разложить по порядку, назначить конкретного человека для вопросов. Потом выяснилось, что написать в папке «назначить» проще, чем найти свободное время у живой сестры.

Оксана Павловна открыла первую страницу.

— Мне нравится, что вы не пытаетесь научить человека всему за три дня. И что отделили знакомство с отделением от проверки профессиональных навыков. Но вот здесь слишком много отметок. Кто их будет ставить?

— Я думала, наставник.

— Тогда он потратит половину дня на заполнение. Давайте сократим.

Она пододвинула мне ручку. Мы начали вычеркивать. К концу второй страницы я чувствовала себя так, будто при мне разбирали шкаф, который я старательно собирала все лето, и откладывали половину деталей как лишние.

— Это не значит, что работа плохая, — заметила Оксана Павловна.

Я подняла голову.

— Я ничего не сказала.

— Лицом сказали. Варя, форма должна помогать, а не подтверждать, как много мы потрудились над формой.

Я рассмеялась и перечеркнула еще одну графу сама.

Потом мы выбрали небольшой пробный цикл. Одно отделение, ограниченный круг задач, понятная обратная связь от новичка и от того, кто помогал ему освоиться. Без торжественного объявления всей клинике, что с этого дня мы навсегда решили вопрос адаптации.

— Результат смотрим по тому, что изменилось, — сказала Оксана Павловна. — Человек знает, к кому обратиться? Ориентируется в нашей организации работы? Не боится уточнять? Сотрудникам понятна их часть? Это и фиксируйте.

— А если все скажут, что раньше было проще?

— Спросите, что именно стало сложнее. Иногда они будут правы.

Я провела пальцем по стигбу папки. Мне хотелось, чтобы все получилось сразу, без неудобных замечаний. Так же, как хотелось, чтобы начальник одобрил оба варианта графика. Постепенно обнаруживалось, что мои лучшие идеи тоже требовали чужих вопросов.

— Попробуем с этой недели? — спросила я.

— Попробуем. Я сообщу Герману Андреевичу, что запускаем то, что готовили летом. По вашему содержанию и под моим наблюдением. Если понадобится время вне обычной нагрузки, согласуем отдельно, а не подарим клинике ваши вечера.

От последней фразы у меня почему-то защипало в носу. Я отвернулась к папке и стала слишком тщательно выравнивать листы.

Оксана Павловна сделала вид, что не заметила.

В отделении я достала летние заметки. Они были гораздо менее аккуратными, чем готовый проект. На одной странице значилось: «Новенькая не знает, у кого спросить, когда старшая ушла». На другой: «Список телефонов в трех местах, два устарели». Никаких великих открытий. Просто маленькие неудобства, которые ежедневно отнимали силы у людей.

Я начала с телефонов. Проверила список, убрала старые версии, оставила понятный актуальный лист. Потом договорилась о первом коротком занятии.

Домой ехала с необычным ощущением: за день я не только закрывала чужие вопросы. У меня появилось свое дело,

которое наконец сдвинулось с места.

* * *

Коробки Кирилла нашлись во вторник.

Я разбирала хозяйственную кладовую после ремонта. Отодвинула сложенные чехлы, сняла с верхней полки старую сумку и обнаружила за ней две картонные коробки. На одной черным маркером было написано «Не выбрасывать».

Очень характерная надпись. Никакого объяснения, что внутри и когда за этим придут. Просто распоряжение на неопределенный срок.

В первой оказались автомобильные журналы, рекламный кубок из салона и пара тяжелых кроссовок. Во второй — какие-то провода, спортивные вещи и маленький фотоальбом, которого я не помнила. Я закрыла крышку, не листая.

Потом сфотографировала коробки и написала бывшему мужу: «Нашла остаток твоих вещей. Можешь забрать в четверг после шести?»

Он ответил через два часа.

«Могу. Ты наконец разобрала кладовую?»

Я посмотрела на сообщение. Вопрос был простой. Ответить на него почему-то не хотелось.

«Буду дома до восьми».

В четверг я вынесла коробки под навес. Кирилл приехал в половине седьмого. Позвонил уже от ворот, хотя прекрасно

помнил, как открывалась калитка. Ключей у него давно не было.

Он вышел из машины в рубашке, которую я когда-то выбирала ему на день рождения. Я узнала ее и удивилась, что это не вызвало почти ничего. Рубашка оставалась хорошей. Просто теперь он гладил ее без моего участия.

— Привет, — сказал Кирилл.

— Привет. Коробки здесь.

Он прошел во двор и сразу посмотрел наверх.

— Крышу сделала?

— На прошлой неделе закончили.

— Надо было сказать. У меня знакомый занимается. Сделал бы дешевле.

— Уже сделано.

— Ну, смотреть надо, как сделано. Знаешь, сколько таких бригад...

— Кирилл, я не собираюсь заказывать второй ремонт. Вещи под навесом.

Он повернулся ко мне. Скользнул взглядом по брюкам, по облегающему трикотажному джемперу, задержался у лица.

— Ты куда-то собираешься?

— Нет.

— Просто этот светлый верх... Ты же знаешь, он все показывает.

В груди неприятно сжалось. Так быстро, будто за прошедший год с лишним ничего не изменилось. Я даже на секунду

ду посмотрела вниз, хотя еще полчаса назад мне нравился и джемпер, и то, как он сидел.

Кирилл заметил этот взгляд и продолжил уже мягче:

— Я не в плохом смысле. Тебе темные вещи всегда шли больше.

— Меня устраивает этот джемпер.

— Ну хорошо. Что ты сразу... Я просто сказал.

Я глубоко вдохнула. Во дворе пахло влажными листьями. За оградой кто-то тянул мусорный контейнер, колеса грохотали на стыках дорожки. Самый обычный вечер. Мне не обязательно было превращать его в еще один разговор, после которого я переоденусь и буду злиться на себя.

— Я не просила оценивать мою одежду. Давай оставим эту тему.

Он пожал плечами и подошел к коробкам.

— Это все?

— Все, что нашла. Больше твоих вещей не осталось.

Кирилл присел, отогнул крышку.

— Журналы можно было выбросить.

— На коробке написано другое. Решешь сам.

Он хмыкнул. Поднял одну коробку, потом задержал взгляд на освещенных верхних окнах.

— У тебя гости?

— Я сдаю верхний этаж.

— Кому?

— Одному человеку. На полгода.

— Мужчине?

— Кирилл, какое это имеет значение для твоих вещей?

Он поставил коробку обратно.

— Я просто спрашиваю. Ты одна живешь, пускаешь к себе непонятно кого. Проверяла его вообще?

— Проверяла.

— Через знакомых?

— Через агента. Договор заключен, документы в порядке. Обсуждать это дальше я не буду.

Слова давались тяжелее, чем я ожидала. Не потому, что мне нечего было ответить. Наоборот, я могла перечислить каждую предосторожность, объяснить цену, показать договор. Именно это желание отчитаться больше всего и злило.

Кирилл взял коробку. На этот раз понес к машине.

Я подняла вторую, но он обернулся:

— Оставь, я заберу.

Я оставила. Ему предстояло нести ее до собственной машины.

Пока он укладывал вещи, во двор вошел Герман. Остановился у калитки, пропуская Кирилла обратно. Они поздоровались. Я представлять их не стала.

Кирилл посмотрел на него внимательнее, чем было нужно для короткого приветствия, потом снова на меня.

— Ладно. Если что понадобится, звони.

— Спасибо. До свидания.

Он задержался, словно ждал другого окончания. Может

быть, приглашения зайти. Может быть, вопроса, как у него дела. Я держала калитку и молчала.

В конце концов он вышел.

Я дождалась, пока машина отъедет, и закрыла замок. Руки дрожали совсем немного. На светлом джемпере осталось серое пятно от коробки.

Мне захотелось немедленно снять его.

Я посмотрела на пятно и решила сначала попить воды.

* * *

Герман не пошел за мной. Он остановился возле лестницы и подождал, пока я повернусь.

— Все в порядке?

— Да. Это бывший муж. Забирал вещи.

— Понял.

Мне стало стыдно за то, как быстро я это выпалила. Будто объяснение, кем приходился мне незнакомый мужчина, требовалось немедленно.

— Мы давно развелись, — добавила я и мысленно велела себе замолчать.

Герман кивнул. Не спросил, почему коробки оставались у меня так долго, и не стал рассуждать, каким неприятным показался ему Кирилл. Он вообще видел только последние две минуты.

— Вы домой? — спросила я вместо того, чтобы просто

уйти.

— Домой. Заехал купить лампу для стола. Вечером у окна темновато.

Я заметила пакет у него в руке.

— Надо было сказать. Я бы...

— Варвара Михайловна, это моя рабочая лампа. Я выбрал ту, которая мне удобна. С квартирой все хорошо.

Он произнес последнее без насмешки, но я все равно усмехнулась.

— Да. Помню. Если что-то случится, скажете сами.

— Именно.

Я сделала шаг к своему входу, потом остановилась.

— Спасибо, что не вмешались.

Герман посмотрел на меня внимательнее.

— Вы разговаривали. Я не видел, что нужна помощь.

— Многие видят, даже когда не нужна.

Он перевел взгляд на мое пятно от коробки и ничего не сказал о джемпере. Я была ему за это благодарна больше, чем следовало.

— Если когда-нибудь понадобится, скажите, — ответил он. — Я рядом.

С этими словами он поднялся к себе.

Я вошла в дом и налила воды. Выпила стоя у раковины, маленькими глотками. Потом намочила салфетку и принялась оттирать серое пятно. Оно поддалось почти сразу.

В зеркале над комодом стояла взрослая женщина с упрямо

сжатыми губами. Светлый джемпер действительно ничего не скрывал: ни грудь, ни живот, ни то, как я сейчас напрягла плечи. Он и не должен был служить мне маскировкой.

Я расправила ткань, убрала руки и пошла готовить ужин в нем же.

Кирилл когда-то говорил совсем иначе. В начале брака любил, когда я надевала яркое, смеялся, притягивая меня к себе посреди кухни. Позже начал предлагать вещи, которые «аккуратнее смотрелись». Потом — вечера, на которые мне было удобнее не ходить. У него работа, нужные люди, неудобный формат. Я соглашалась, потому что не хотелось становиться женой, которая устраивала проблему из каждого приглашения.

В какой-то момент я обнаружила, что приглашений для меня больше не было вовсе.

Восемь лет брака не помещались в одну причину. Мы умели хорошо проводить выходные, заботились друг о друге, много смеялись. От этого было особенно трудно признать, что в конце я чувствовала себя одинокой рядом с человеком, который вечером спрашивал, что у нас на ужин.

В мае прошлого года развод закончился. Решение уйти я приняла раньше. Но иногда привычка оправдываться все еще срабатывала быстрее, чем память о том, что оправдываться больше не перед кем.

Телефон завибрировал на столе. Юлия спросила, как прошла передача вещей.

«Забрал. Все».

Через минуту она позвонила.

— Точно все?

— Да. И коробки, и разговор.

— Хочешь приехать?

Я посмотрела на сковороду, на открытое окно, на свой отмытый джемпер.

— Сегодня нет. Хочу побыть дома. Завтра расскажу.

— Хорошо. Я только проверить.

Мы поговорили еще пару минут о совершенно постороннем. Когда я положила трубку, наверху тихо передвинули стул. Потом включился свет в комнате с окнами в сад.

Я представила Германа за столом с новой лампой. И впервые за весь вечер подумала о мужчине, которого хотела видеть, а не о том, которому только что закрыла калитку.

* * *

В пятницу первое занятие началось с вопроса:

— А это будет как проверка?

Аня стояла передо мной с блокнотом, который уже успела раскрыть на чистой странице. В поликлинике она работала несколько лет, а к нам пришла недавно. Самым сложным для нее оказалось даже не новое место, а то, что здесь все вокруг давно понимали друг друга с полуслова.

Она пока половины этих слов не знала.

— Нет, — ответила я. — Сегодня разбираемся, как у нас все устроено. Если вы чего-то не знаете, это как раз надо сказать.

— Я уже спрашивала некоторые вещи.

— Значит, не все запомнилось с первого раза. Такое бывает.

Мы сели в комнате персонала. Я заранее выбрала время, когда можно было спокойно поговорить, и договорилась, кто подхватит текущие вопросы. На стол положила короткий список. Тот самый, который после Оксаны Павловны стал вдвое короче.

— Начнем с простого. Если меня нет и вы не понимаете, у кого уточнить организационный вопрос, что делаете?

Аня назвала двух человек. Первый ответ подходил, второй зависел от ситуации. Мы разобрали, почему. Потом я попросила найти актуальный список телефонов, показать, где лежал рабочий порядок для нового сотрудника, и объяснить, что она сделает, если информация в двух местах будет различаться.

На последнем вопросе она замолчала.

— Попробую понять, какая версия новая?

— А если даты одинаковые?

Она посмотрела на меня виновато.

— Не знаю.

— Тогда не выбираете наугад. Уточняете у ответственного человека. И сообщаете, что нашли расхождение. Я специ-

ально спрашиваю про ситуацию, где документ сам по себе не решает задачу.

Аня записала. Потом сказала очень тихо:

— На прошлом месте мне однажды ответили, что я должна уже знать.

Я отложила ручку.

— Такое и здесь может кто-нибудь сказать сгоряча. Люди устают. Это не отменяет вопроса.

— Я понимаю.

— Нет, я хочу, чтобы вы не просто поняли сейчас. Если не уверены в том, что влияет на работу, спрашивайте. Даже если неудобно второй раз.

Она посмотрела на меня, и выражение ее лица немного изменилось. Настороженность осталась, но к ней добавилось облегчение.

Мы прошли по отделению. Не экскурсия для комиссии, где все заранее выглядело идеально, а обычный маршрут с остановками: здесь лежало одно, тут хранился актуальный список, сюда обращались с конкретным вопросом. Я попросила Аню самой показать обратный путь и рассказать последовательность. В двух местах она поправилась. В третьем спросила то, о чем я даже не подумала.

— А если старшая другой смены говорит иначе?

Мне захотелось ответить быстро и красиво. Вместо этого пришлось признать:

— Тогда уточняем расхождение. Не заставляем вас уга-

дывать, кому сегодня верить. Я запишу этот вопрос, он важный.

К концу занятия в моем блокноте оказалось больше записей, чем я планировала. Часть касалась самой программы. Часть — вещей, которые опытные сотрудники переставали замечать именно потому, что привыкли.

Аня поднялась, закрыла блокнот и вдруг спросила:

— Можно я в следующий раз приду со списком того, что за смену непонятно?

— Нужно, — ответила я. — Только срочные вопросы не откладывайте до занятия.

Она улыбнулась. Мне тоже захотелось улыбнуться, хотя спина затекла и обед давно прошел.

После я зашла к Оксане Павловне. Мы обсудили, что получилось, где мне самой пришлось перестроиться. Она попросила оставить копию коротких итогов и не делать выводов по одному удачному разговору.

— Я знаю, — сказала я.

— Теперь лицом другое говорите, — заметила она.

В коридоре я встретила Германа. Он шел к директору и остановился лишь на минуту.

— Оксана Павловна рассказала о вашем летнем проекте. Сегодня начали?

— Да. Пока первый цикл, рано хвалиться.

— Я и не прошу хвастаться. Есть то, что мешает и что нужно согласовать на моем уровне?

Я подумала и назвала вопрос со временем для занятий. Он попросил передать через Оксану Павловну конкретную потребность, чтобы ее можно было включить в рабочий план.

Никаких особенных слов. Но когда он пошел дальше, я вдруг выпрямилась.

Он знал обо мне еще кое-что, кроме острого языка и светлого джемпера.

* * *

В воскресенье я вышла за хлебом и встретила Германа возле ворот. Он держал телефон и список, написанный от руки на обороте какого-то конверта.

— Тоже в магазин? — спросил он.

— Мне хлеб нужен. Если вы в тот, что на углу, давайте вместе.

— В тот. Я наконец решил проверить расстояние лично.

Мы пошли по улице. Я взяла тонкую куртку, но не застегивала: после нескольких прохладных дней выглянуло солнце, и днем стало почти тепло. Из-за забора пахло яблоками. Где-то работало радио, ведущий слишком бодро обещал хорошее настроение.

Рядом с Германом приходилось делать чуть больше шагов. Он заметил это не сразу. Потом замедлился, и я поймала себя на том, что тоже перестала торопиться.

— Вы всегда ходите так быстро? — спросил он.

— Обычно да. Сегодня пыталась еще быстрее.

— Зачем?

Я посмотрела на него. Он улыбался.

— Чтобы вы не решили, что с хозяйкой нельзя выходить дальше калитки.

— Я вполне способен подстроиться под человека рядом.

— Утром у поста это уже видела.

Он покачал головой.

— Мы опять про работу?

— Это последнее.

— Вы так уже говорили.

Я рассмеялась. Нам обоим стало легче идти после этого короткого обмена. До магазина было минут пятнадцать, если не срезать через узкую дорожку за гаражами. Я выбрала обычный путь и не стала объяснять почему.

Внутри оказалось людно. У овощей мужчина долго выбирал помидоры, прижимая каждый пальцем. Я потянулась к пакету, потом передумала. Герман заметил мой взгляд.

— После такой проверки они уже ничего не боятся, — тихо сказал он.

Я отвернулась, чтобы не засмеяться прямо человеку в лицо.

Мы разошлись по рядам. Я нашла хлеб и сыр, заметила ту самую горчицу, которой вчера не было, и решила взять ее на обратном пути. Сначала вернулась за яблоками. Герман стоял у молочной витрины и сравнивал две упаковки.

— Срок? — спросила я.

— Объем. Почему маленькая стоит почти как большая?

— Чтобы вы взяли большую, а потом три дня думали, куда ее деть.

Он посмотрел на меня.

— Из опыта?

— У меня так появилась одна очень сомнительная запеканка.

Он взял маленькую упаковку. Я одобрительно кивнула, как будто имела право оценивать его покупки.

У кассы мы оплатили каждый свое. Герман не пытался незаметно придвинуть мои продукты к своим. Я убрала чек и подождала его у двери.

На улице он предложил взять мой пакет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.